

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ЗАПИСКИ О ВОЙНЕ

На войне всё совершается быстро. Судьба солдата
меняется неожиданно.
Глазом не успеешь моргнуть.

СЕРИЯ «ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК»

Валентин Петрович Катаев

Записки о войне

Серия «Фронтовой дневник (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69567496

Записки о войне: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-157927-2

Аннотация

Писатель Валентин Катаев прошел три войны – Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную. Не окончив гимназию, в 1915 году поступил добровольцем в действующую армию. Позже принял участие во Второй мировой, где был военным корреспондентом. В прессе стали появляться его рассказы и публицистические статьи, посвященные фронтовой жизни, а также фотографии, сделанные автором.

«Записки о войне» – книга очерков, путевых заметок и дневников, честный и непредвзятый рассказ о буднях, тяготах и лишениях времен войны, о сильном духе бойцов, о братстве воинов на линии огня, о мыслях и делах человека, находящегося между жизнью и смертью.

В.П. Катаев очень точно и проникновенно передал те события, которые неожиданно обрушились на мир в XX веке и участником которых ему пришлось стать.

Содержание

Почти дневник	5
Записки о гражданской войне	5
Пороги	56
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Валентин Катаев

Записки о войне

© В.П. Катаев (наследники), 2023

© ФГУП МИА «Россия сегодня», 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Почти дневник

Фрагменты

Записки о гражданской войне

I

Осаждаемый с трех сторон красными, город был обречен. С четвертой стороны лежало море.

Серые утюги французских броненосцев обильно кадили над заливом черным угольным дымом. Синие молнии радио слетали с их прочных изящных рей.

Десантные войска четырех империалистических держав поддерживали добровольческий отряд генерала Гришина-Алмазова, отражавшего наступление красных в южном направлении и защищавшего город.

По улицам маршировали живописные патрули британской морской пехоты, возбуждая восторг мешанок своими кирпичными лицами и синими беретами.

Матросы громко ржали, непринужденно переговаривались между собою в строю и кидали лошадиными голенастыми ногами футбольный мяч, эту национальную принадлеж-

ность каждой английской военной части.

Через чугунные мосты проходили экзотические обозы греков.

Ослы и мулы, навьюченные бурдюками, мешками, бочками, какими-то лоханками и оружием, забавно выставляли напоказ любопытным мальчишкам свои плюшевые мохнатые уши и цокали копытцами по асфальту моста.

Унылые греческие солдаты с оливковыми и кофейными лицами путались возле них в своих слишком длинных зеленых английских шинелях, с трудом перенося тяжесть старомодных французских винтовок системы «гра», висящих на широких ремнях на плече. Эти архаические ружья стреляли огромными пятилинейными пулями, очень толстыми, медными и дорогими. Каждая такая пуля весила не менее четверти фунта. Так по крайней мере казалось.

Легкомысленные двуколки зуавов, похожие на дачные мальпосты, решетчатые и качающиеся, удивляли зевак своими огромными колесами вышиною в гигантский рост шагавших рядом чернолицых солдат. Здесь были сенегальские стрелки, вращавшие белками глаз, напоминавшими сваренные вкрутую и облупленные яйца. Здесь покачивались алые фесочки тюркосов, здесь страшно поблескивали рубчатые ножи, примкнутые к длинным стволам колониальных карабинов.

Козьи кофты французских капитанов и расшитые золотом каскеты английских морских лейтенантов торчали за столи-

ками переполненных кафе и отражались в зеркалах казино и театральных вестибюлей.

Благодаря присутствию многих военных и штатских иностранцев, полковников и спекулянтов, международных авантюристов и дорогих кокотов, русских князей и графов, крупнейших фабрикантов и содержателей притонов город имел вид европейского.

Весна была холодной, но солнечной.

Мартовский случайный снег держался недолго. Налетал морской ветер, затем туман. Они пожирали снег, уносили его белыми тугими облаками в море, и на расчищенном, великолепно отполированном голубом небе опять блистало холодное, ледяное солнце. Улицы были полны цветов.

На углу двух центральных проспектов, возле кафе с громкой швейцарской фамилией, стояли зеленые сундуки цветочниц, заваленные кудлатыми пачками хризантем, мотыльками парниковых, огуречных фиалок и идиллическими звездами подснежников.

Рядом с этими цветочными сундуками помещались столы валютных торговцев с горами разнообразных кредиток, купонов, чеков и аккредитивов, которые успешно конкурировали с прелестной, но, увы, бесполезной красотой холодных и нежных цветов.

Два потока праздных и хорошо одетых людей протекали мимо друг друга и мимо этих цветов и денег. Над толпой носились запахи трубочного табаку, английских духов, драго-

ценной пудры и, конечно, сигар.

Скрипели башмаки и перчатки, постукивали трости, бренчали шпоры русских поручиков, этих удалых молодых людей, нацепивших все свои заслуженные и незаслуженные знаки отличия. Офицеры подчеркнуто козыряли друг другу, уступали дорогу дамам, говорили «виноват» «простите», опять звенели шпорами и с громким бряцанием волочили зеркальные кавалерийские сабли по граниту и бетону тротуаров.

Это был самый беззастенчивый, самый развратный, трусливый и ложновоинственный тыл.

II

На подступах к городу, на пяти позициях, самая дальняя из которых была не более чем за шестьдесят верст, а самая близкая – за двадцать, обманутые и одураченные легендарными обещаниями и цинично лживыми телеграммами, мерзли на батареях вольноопределяющиеся, юнкера и кадеты. Они верили в помощь англичан и французов. Им еще не надоело воевать. Они еще жаждали наград, крестов и славы. Они еще не сомневались, что большевики будут раздавлены. Город был обречен.

Уже ничто не могло помочь.

Это могли не замечать только слепые или пьяные.

Однако этого не замечал никто. Или, вернее, этому никто

не верил.

А между тем на окраинах и в рабочих предместьях люди жили своей особой, трудовой и опасной жизнью революционного подполья.

Напрасно контрразведка развешивала агитаторов на фонарях и железнодорожных мостах.

Напрасно юнкера оцепляли целые кварталы и громили десятки нищих квартир, отыскивая крамольные типографии и большевистские явки.

Каждый завод, каждый цех, каждый дом и каждая квартира были штабами, типографиями и явками большевиков.

Каждую ночь по стенам и заборам неведомо кем расклеивались серые листки, грубо отпечатанные вручную. Наутро возле прокламаций собирались возбужденные толпы рабочих.

Что могли поделать юнкерские патрули? Юнкеров были десятки и сотни, а рабочих тысячи.

Каждую ночь в пустынных улицах шли люди, перетаскивая с одного места на другое оружие и патроны. Не только револьверы и ружья – здесь были в громадном количестве пулеметы и даже морские скорострелки.

В ночной темноте раздавались тревожные одиночные выстрелы, иногда залпы, иногда короткие очереди «кольта». Шальные пули тонко пели на излете, и звенело разбитое стекло слепящего фонаря.

Французские артиллеристы, расквартированные на окра-

инах города, не могли не подвергнуться влиянию русских революционных рабочих. Незнание русского языка не могло быть препятствием. На стенах казарм, на полосатых будках часовых, наконец, на щитах скорострелок расклеивались прокламации, написанные по-французски.

Французским солдатам начинало надоедать пребывание в этой стране, где происходила малопонятная война русских с русскими.

Они слишком много знали о социализме, чтобы верить басням своих офицеров о бандитском восстании «разбойников-большевиков».

Французские солдаты волновались и требовали скорейшей отправки на родину.

Им надоела военная жизнь, им хотелось вернуться к очагам и семьям. Они достаточно бились на Марне и под Верденом, для того чтобы позволить себе роскошь не дежурить у своих батарей и парков в этой варварской и загадочной стране, в соседстве с врагом, который был неуловим и вездесущ.

Дисциплина французских частей падала.

Солдаты не желали больше подчиняться офицерам. Они без разрешения уходили из частей и шлелись группами в предместьях, вступая в мимические объяснения с рабочими. Ночью они пели прованские песенки, потрясали серыми, пузатыми, похожими на рубчатые дыни фляжками и пили коньяк. Они вступали в драки с русскими офицерами и всячески демонстрировали свое презрение к стране, куда их на-

сильно привезли.

III

Французское командование находилось в состоянии крайнего возбуждения и растерянности. Начальник штаба каждые два часа посылал адъютанта на радио.

Французский генерал Франше д'Эспере проносился по улицам в своем отличном автомобиле и появлялся в лужах. Этот молодежавый седоватый воин, окруженный отборной свитой, думал, что он является единственным хозяином положения. Его переговоры по радио со своим правительством окружались строжайшей тайной, и никто, кроме него, не читал пакетов, которые время от времени привозили ему на линейном миноносце. Наружно он был вполне спокоен.

Русская и французская контрразведки вели параллельную работу, вследствие чего выходили постоянные конфликты и недоразумения. Французы часто считали действия русских ненужными и вредными, в то время как русские полагали французов неопытными сыщиками, которые своим вмешательством портят работу.

Работы у контрразведок было много. Работа была важная и ответственная. Она была направлена против мощной и неуловимой большевистской организации, отлично связанной с Москвой и успешно разлагавшей иностранные отряды.

Трения между двумя командованиями – добровольче-

ским и французским – продолжались все время.

Между тем по городу распространялись самые невероятные слухи.

Говорили о какой-то измене, говорили о близком падении города, говорили об одной очень известной кинематографической артистке, имевшей близкое отношение к генералу Франше д'Эспере и игравшей выдающуюся роль в предполагавшейся сдаче города красным.

Незадолго до падения города эта кинематографическая артистка умерла от болезни, называвшейся «испанкой» и сильно распространенной в то время среди населения. Однако молва приписала ее смерть русской контрразведке. Говорили, что актриса была подкуплена большевиками и должна была заставить своего любовника, французского генерала, сдать город. На ее похороны собрались несметные толпы народа. Вход в собор, где в раскрытом гробу был выставлен ее труп, охранялся усиленным караулом. К гробу имели доступ избранные, среди которых видели и французского генерала. Он положил к ее ногам пышный букет с печальными лентами, на которых блистала французская цитата.

Нелепые слухи продолжались.

Однажды по городу прошел дивизион танков. Их видели на главной улице. Они были похожи на громадных гусениц. Они гремели суставчатыми цепями по мостовой. Витрины магазинов и фонари стрекотали, звенели и содрогались от их железной поступи. Их было восемь. Из каждого выглядыва-

ли короткий ствол митральезы и несколько пулеметов, говорили, что их отправляют на фронт для отражения красных, силы которых с каждым днем увеличивались.

Это дало повод осваговским газетам поднять тон и уда-
лым поручикам сделаться более воинственными.

Однако отдаленная канонада приближалась. Раньше она была слышна только в очень ясные и тихие ночи, теперь же, в самом разгаре дня, за шумом города, за звонками трамваев и ревом автомобильных сирен вдруг слышались явственные, словно подземные, очереди взрывов.

Тогда, казалось, на минуту стихал городской шум, прохожие останавливались, и лица делались бледнее, тверже и напряженнее.

Почти ежедневно на центральной площади, возле собора, генерал Гришин-Алмазов принимал парады уходящих на фронт частей. Он говорил:

– Господа офицеры и солдаты! Вам предстоит сражаться с бандами жестокого и коварного врага. С нами бог! Без страха и колебания, железной стеной встретьте неприятельские пули. Бейтесь до победы. Отступления – нет. Помните, что нас поддерживают наши верные союзники – французы и англичане. Дни большевиков сочтены. Еще один молодецкий нажим – и победа за нами. Дадим же торжественную клятву победить или умереть. С богом. Пленных приказываю не брать.

Оркестр играл Преображенский марш. Сабли описывали

зеркальные дуги салютов. Колеса батарей скрипели, дышла подымались и опускались, толпа дам, девиц и стариков махала платочками.

Колонна за колонной добровольческие части покидали город, уходя туда, откуда все настойчивее и тверже доносились пушечные удары.

Мне удалось побывать на подступах к городу.

IV

Я видел извилистую, еще недостаточно оттаявшую, черную, твердую дорогу, идущую вдоль морского берега. По ней, по этой дороге, тянулись в город с позиций телеги с ранеными. Раненых было немного. Гораздо больше было больных и мнимо контуженных. Близость большого, веселого и пышного города, набитого спиртом, женщинами и другими удовольствиями, являлась непреодолимым соблазном для недостаточно мужественных. Ежедневно десятки влюбленных прапорщиков и пришедших в уныние от походных лишений вольноопределяющихся симулировали контузии и болезни для того, чтобы быть эвакуированными в соблазнительный тыл. Легкораненые считали, как и всегда, впрочем, свое ранение счастьем и предвкушали внимание дам, награды и безопасность.

В деревнях и на хуторах были размещены многочисленные штабы. Оседланные лошади били копытами мерзлую

землю и грызли заборы.

Вестовые казаки, очень хорошо и воинственно одетые, с русыми чубами, взбитыми над смуглыми лбами, лихо раздували самовары и чистили на порогах хромовые генеральские сапоги.

Телефонисты с «удочками» и катушками проводили линии.

Ординарцы тряслись на мохнатых сибирских лошадках, одной рукой придерживая кожаную сумку, а другой подстегивая лошадь нагайкой.

Вдоль дороги валялись консервные жестянки и бутылки из-под удельного вина.

Дорога становилась чем далее, тем пустыннее. Через тридцать верст я достиг передовых позиций. Здесь берег образовывал бухту, в которой стоял французский миноносец.

Песчаная пересыпь бухты запирала небольшой синий лиман, переходивший в отдалении в красные солончаки. Там начиналась область, занятая красными. Их не было видно с господствующего над местностью правого берега лимана. Мне сказали, что они занимают деревни и постоянной боевой линии у них нет. На низком левом берегу была расположена деревня. В ней жили приморские крестьяне и рыбаки. Теперь там разместились части добровольческого отряда, пушки которого с небольшим числом прислуги и пехотного прикрытия были установлены на командной высоте.

Я въехал в деревню.

Деревня ничем не отличалась от тысячи других деревень, которые мне приходилось проезжать в любую из кампаний.

На пустырях и дворах стояли кухни. По улицам ходили кадеты. Возле кухни ковали лошадь.

Размещенные по избам офицеры и солдаты сидели на лавках и играли в карты. Трехцветные шевроны на рукавах защитных гимнастеров передвигались при сдаче карт и при хлопанье картой по столу. Фуражки висели на гвоздях возле икон. Американские винчестеры были свалены кучей в сенях. О них никто не заботился. Они были заржавлены и забиты землей. Зато бесполезным шашкам уделялось много внимания и забот. Престарелый капитан, кряхтя и ругаясь, чистил клинок своей златоустовской шашки, с усилиями втыкая его в глиняный пол избы. Старик хозяин только качал на это головой.

Бравый вольноопределяющийся рассказал мне интересную историю о сегодняшнем ночном деле. Об этом деле говорил весь отряд.

В два часа ночи разъезд добровольческой кавалерии, в котором почему-то был и артиллерийский разведчик – бравый вольноопределяющийся, заехал в деревню, которая до сего дня считалась лояльной. Едва только отряд въехал на главную улицу, по нему была открыта пальба. Оказалось, что за последние сутки деревня перешла на сторону красных и сейчас в ней был расположен эскадрон красных партизан. Несколько партизанских всадников выскочили из темноты

и атаковали добровольцев. Произошла стычка, в результате которой один добровольческий улан был тяжело ранен в голову и привезен из экспедиции мертвым. Бравый вольноопределяющийся рассказывал, как он рубил, и как его клинок с размаху ударил во что-то мягкое, и как оно (это мягкое) тяжело рухнуло под копыта его лошади. Он говорил, что его тоже хорошо огрели по голове, к счастью, не осталось следов, но что голова ахово трещит и не худо было бы эвакуироваться для поправления здоровья.

Таким образом, я выяснил, что самое типичное во всей кампании – это полное отсутствие сведений о неприятеле, о его численности и местопребывании. Местные жители были настроены весьма большевистски, и то одна, то другая деревня переходили на сторону красных, служа их частям надежным прикрытием.

В этот день стрельбы не было. Красные не проявляли инициативы. Их совершенно не было заметно.

Французская миноноска сигнализировала, что в случае дела она может открыть огонь из шести скорострельных пушек, что должно увеличить силу отряда на полторы батареи.

Затем из города прилетел военный самолет. Он опустился на пересыпи. Два летчика в кожаных куртках, пулевидных шлемах и самых модных синих бриджах вылезли из аппарата и отправились в штаб отряда передать командиру бумаги. Они выпили чаю и, рассказав несколько городских анекдотов и передав слухи, улетели обратно с донесением о том,

что в районе отряда все спокойно.

V

На следующий день совершенно неожиданно в двенадцать часов стало известно, что город в течение двух суток будет сдан красным.

Еще без четверти двенадцать беспечная толпа фланировала мимо цветочниц и валютных лотков, а в двенадцать по городу покатались мальчишки-газетчики, размахивая крыльями экстренных телеграмм. Все было очень точно и определено: город отдается без боя. Французское правительство отзывает свои войска во Францию. Без иностранной поддержки добровольцы не смогут удержать город. В пять минут первого город изменился. Город был переломлен, как спичка. Совершенно обалделые генералы почти бежали в штабы, где уже заколачивали ящики. Паника была неопиcуемая.

Приказ французского командования до такой степени не соответствовал тону предыдущих приказов и газет, что взволнованное население готово было объяснить случившееся самыми невероятными способами. Об измене говорилось открыто.

Однако время было так ограничено, что никто не мог себе позволить размышлять о причинах внезапной эвакуации более пяти минут.

Иностранные миссии осаждались буржуазией, желавшей

покинуть город. Заграничные паспорта выдавались почти всем желающим без особых формальностей. В порту начиналось столпотворение. Тоннаж имевшихся налицо судов был недостаточен для перевозки всех желающих. Многие, отчаявшись получить место на пароходе, отправлялись на извозчиках или пешком к румынской границе, отстоящей от города за сорок верст. В городе почти исчезли лошади. Они были реквизированы. Группы тыловых офицеров выпрягали лошадей из фургонов и пролеток и уводили их в казармы. Части, стоявшие на позициях, должны были пройти через город и, захватив обозы и штабы, отступить к румынской границе.

Однако согласие Румынии принять бегущих еще не было получено, и это чрезвычайно волновало тыловые части добровольцев.

К вечеру первого дня по всему фронту загремели пушки. Красные наступали, суживая кольцо своего обхвата, и, ссуживаясь, это кольцо все больше и больше напоминало петлю. Город задыхался.

Я видел громадный двор артиллерийских казарм, где были сосредоточены многие штабы добровольческих частей и несколько французских легких дивизионов. Здесь жгли списки личного состава, здесь громили цейхгаузы, набитые снаряжением и амуницией. Офицеры и солдаты вытаскивали из сараев громадные кипы белья, сапоги, палатки, валенки. Они связывали награбленное в громадные тюки и волокли в

город, решив остаться и дезертировать из добровольческой армии.

Посередине двора стоял погребальный катафалк, из которого были выпряжены лошади. Два еврейских мортуса в белых балахонах, с галунами и в черных цилиндрах плакали, расхаживая вокруг катафалка. Лошадей в черных шорах и траурных султанах наскоро запрягали в набитые битком повозки. Евреи хватались за рыжие свои бороды и умоляли какого-то полковника без погон и кокарды пощадить их лошадей. Но полковник исступленно кричал: – Просите ваших «товарищей»! Дотанцевались до того, что «пролетел» сел на голову? И радуйтесь.

Этот взволнованный воин несколько раз еще повторил загадочное слово «пролетел», разумея под ним слово «пролетарий». Ему казалось, что в виде «пролетел» оно имеет некий необычайно язвительный и горький смысл. Он был прав. Это слово, произнесенное растерянным полковником, расхаживающим без погон и кокарды вокруг распряженного еврейского катафалка посередине хаотического двора казармы, и точно представлялось язвительным и горьким.

В военных и гражданских учреждениях спешно готовились ведомости и выдавалось жалованье за шесть месяцев вперед.

Из государственного банка вывозились грузовики денег. Магазины были открыты. Получивши неожиданно крупные суммы денег, люди осаждали лавки, запасаясь хлебом и про-

дуктами на долгое время. Наиболее молодые покупали вино. Ночь, вспыхивавшая по краям от непрекращавшейся канонады, была полна пьяным ветром и пьяными песнями совершенно растерявшихся людей. Судороги города ознаменовались небывалым буйством, разгулом и пьянством.

Прожектора военных кораблей пыльными меловыми радиусами двигались по черному небу. Ревели пароходные сирены. Мчались грузовики. Гремели батареи. В ночной темноте происходило нечто неизбежное и грозное.

Измена. Предательство. Глупость командования. Слабость тыла. Вот причины падения города.

Так представляли себе положение дел почти все находившиеся в состоянии эвакуационной горячки и паники. Но это было неверно.

В действительности, же дело происходило так.

Красные войска, состоявшие преимущественно из партизан и повстанцев, теснили добровольческие регулярные отряды в течение многих месяцев вплоть до города.

На подступах к городу красные остановились. Не узнавши сил противника, не выяснив своих собственных сил и не закрепившись на занятой территории, двигаться дальше становилось безрассудно опасным. Они остановились.

В это время в городе, в подполье, велась бешеная работа по разложению французов и по учету сил добровольцев. Работа оказалась успешной. Не прошло и нескольких месяцев, как взаимоотношение сил стало ясным. Защищавших город

было во много раз больше наступавших на него. Но среди защищавших не было ни уверенности в себе, ни единого военного плана. Во французских частях под влиянием большевистской агитации дисциплина несколько упала, так что при первом же серьезном деле французские штыки и пушки легко могли обратиться против собственных штабов. Греческие части имели маловоенственный вид и вряд ли могли представить серьезную опасность. Англичан было незначительное количество, и они несли лишь береговую территориальную службу. Добровольцы были развращены близостью тыла.

VI

Положение наступающих красных партизан, опиравшихся на благожелательное настроение крестьянства, на боевую опытность, наконец, на исключительное личное мужество бойцов, сражавшихся по доброй воле за свое общее дело, было во много раз выигрышнее положения осажденных. Подобное положение решило судьбу города.

Красные только ждали некоторых подкреплений.

Наконец подкрепление настолько приблизилось, что красное командование предъявило французам ультиматум. Ультиматум французы не приняли, но отдали приказ об эвакуации.

Красные подождали два дня и в начале третьего, не до-

жидаясь окончания эвакуации, с трех сторон атаковали город. Добровольческие батареи в течение нескольких часов расстреляли все свои патроны и были вынуждены отступить. Французское военное судно, обещавшее поддержку на левом фланге, без предупреждения ушло в море. Дивизион танков, выдвинутый в лоб красным, завяз в грязи, и все до одного танки были захвачены повстанцами в первые часы боя. Повстанческая конница показала чудеса быстроты и натиска. Кавалерия добровольцев, довольно хорошо работавшая в небольших ночных набегах, не смогла выдержать лавы противника и показала тыл. Греческий полк, вступивший в дело на правом фланге, в двадцати верстах от города, был потрясен обстрелом красных. Греки поспешно отступили, теряя мешки гороха, которым они кормили своих ослов, и бурдюки вина, предназначенного для солдат. Быстрому отступлению греков очень препятствовали слишком длинные английские шинели и тяжелые французские винтовки. Многие бросали их по дороге. Греческие солдаты, не привыкшие к боям, были совершенно измучены натиском красных партизан.

Отступая через город и проходя по улицам, эти оливковые добряки с рыжими унылыми усами застенчиво произносили слово, брошенное им в предместьях каким-то веселым рабочим. Он закричал им:

– Что, братцы, вата?

На жаргоне того времени слово «вата» обозначало конец, неудачу.

– Вата, – говорили греки непонятное им слово, отступая через город.

На окраинах начиналось восстание. Там бил пулемет.

На следующий день власть в городе перешла к большевикам.

Красная кавалерия на спине отступающих добровольцев ворвалась в предместья и брталась с вооруженными до зубов рабочими.

Революционный комитет, столь долгое время находившийся в подполье, занял лучшее в городе помещение и выпустил первый явный официальный и законный приказ.

Еще в открытом море дымили уходящие суда, еще кучки офицеров и штатских двигались по Аккерманскому тракту к румынской границе, еще оставшиеся спарывали с шинелей погоны и бросали в печки кокарды, а уже лихие всадники партизанского отряда, чубатые парни с красными бантами, на отличных лошадях разъезжали по улицам взятого города. Наст битого стекла хрустел под копытами лошадей. Закрученные, как лассо, петли сорванных трамвайных проводов лежали поперек мостовых.

Мальчишки бегали с красными флажками и пели «Интернационал». На аршинных столбах, поверх гигантских букв театров, кабаре и бегов, наклеивались суровые, спартанские приказы новой власти.

Так город начал новую жизнь.

VII

Начался трудный организационный период.

Нужно было все устроить, пересмотреть, сделать заново, провести в жизнь.

Нужно было вырвать гнилые корни старого быта и утвердить новый быт, быт рабочий, простой, суровый и твердый.

Всем оставшимся новая для города власть большевиков предоставляла право собираться и обсуждать коллективное устройство своей жизни.

Рабочим нечего было обсуждать. Они очень хорошо знали, как надо строить свой быт. Интеллигенция, захваченная событиями врасплох, еще не успела об этом подумать. Нужно было в самое короткое время усвоить чуждую им советскую конституцию и организовать согласно с ее требованиями.

Происходила полная путаница в понятиях и терминах. Никто определенно не знал еще разницы между государственными, профессиональными и партийными учреждениями. Каждый человек с портфелем представлялся существом высшего порядка, всезнающим и всеильным. Сокращенные названия учреждений приводили растерявшихся интеллигентов в ужас.

В помещении бывшего Литературно-артистического кружка, сокращенно называвшегося «Литературкой», еже-

дневно происходили бурные собрания писателей, журналистов и актеров, столь же бестолковых, сколь и многочисленных.

Престарелые ученые, писатели с именами, не успевшие бежать издатели, актеры и местные молодые поэты заседали по многу часов кряду, пытаясь не столько договориться до дела, сколько хоть немного понять друг друга.

Свобода на этих собраниях была полная. Наиболее консервативная часть ставила вопрос о самом факте признания Советской власти. Для них вопрос «признавать или не признавать» был вопросом первостепенной важности. Они даже не подозревали, что власть совершенно не нуждается в их признании и разрешает им собираться исключительно для того, чтобы они могли лучше познакомиться с порядком вещей в Республике.

Наиболее левая часть собрания, молодые поэты и художники преимущественно, левые не только в области искусства, но и в области политики, требовали не только полного признания власти, но также и активного перехода на советскую платформу. Они призывали к сотрудничеству с рабочими и желали объединения на этой почве. Средняя, наиболее осторожная часть упорно стояла на почве чисто профессионального объединения, старательно избегая вопроса о самом признании или непризнании существующей власти.

Я видел одно из этих собраний.

В большом, очень изящно отделанном зале, где еще так

недавно лакеи во фраках прислуживали эстетам в бархатных куртках и актрисам, разрисованным по самой последней моде, теперь стояли стулья и грубые скамьи. На скамьях и стульях сидели взволнованные, выбитые из колеи люди. В проходах толпились опоздавшие.

Я видел знаменитого академика по разряду изящной словесности, сидевшего в углу и опиравшегося подбородком о набалдашник толстой палки. Он был желт, зол и морщинист. Худая его шея, вылезавшая из цветной манишки, туго пружинилась. Опухшие, словно заплаканные, глаза смотрели пронзительно и свирепо. Он весь подергивался на месте и вертел шеей, словно ее давил воротничок. Он был наиболее непримирим.

Я видел другого академика (ныне покойного), почтенного филолога, очень растерянно и по-стариковски согнувшись сидевшего во втором ряду рядом со своей женой, сухой и бойкой старушкой. Он никак не мог понять, зачем так много народа, что они хотят и почему кричат.

За столом президиума сидел рыжебородый издатель, ассириец с длинными глазами навывкате, и очень мохнатый, похожий на геральдического медведя, поэт-декадент с крупным всероссийским именем.

Говорил преимущественно поэт. Он был лидер золотой середины. Очень приятным, грубоватым и убедительным эстрадным голосом он призывал собрание под знамена профессионального союза, пропуская мимо ушей вопросы о

признании и непризнании. Он говорил о том, что мастерство печатника, что закон типографской буквы и закон поэтического звука – есть один и тот же закон. При этом он очень удачно цитировал Анри де Ренье, и себя, и еще кого-то из новых.

Несколько раз академик по разряду изящной словесности вскакивал с места и сердито стучал палкой об пол. Неоднократно левые демонстративно удалялись из зала и были призываемы обратно во имя общего объединения.

Жена академика-филолога держала своего неуклюжего мужа за рукав и требовала, чтобы он что-то сказал собранию. Несколько раз старик подымался, вытаскивал из кармана мятый носовой платок, улыбался и садился на место, так как общий шум не давал ему говорить.

Так соглашение достигнуто и не было.

Поэт-декадент, столь подходивший для должности комиссара искусств, принужден был отказаться от общественной деятельности и заняться переводами поэм Анри де Ренье.

VIII

Между тем новая жизнь города складывалась по-своему, своим чередом. Новые государственные формы определяли формы нового быта.

Появились новые вывески с сокращенными названиями. Новые учреждения набирали штаты машинисток и секре-

тарей. Взамен закрытых магазинов открылись продовольственные лавки и распределители. Была введена карточная система, и с утра обыватели стояли в хвостах за продуктами.

Город украшался.

На всех углах и перекрестках укреплялись громадные плакаты. Они были написаны левыми мастерами и изображали матросов, красноармейцев и рабочих. Это были первые, еще робкие, вылазки футуристов. Их плакатные матросы были великолепны. Они были написаны в грубоватой декоративной манере Матисса. Некоторая кривизна рисунка и яркость красок вполне отвечали духу времени, и примитивные детали вполне совпадали с упрощением деталей самого быта.

Поэты писали для этих плакатов четверостишия, которые читали все, начиная от попавшего в переделку фабриканта, кончая кухаркой, идущей записываться в профессиональный союз.

Повсюду открывались рабочие клубы и театры. Повсюду устраивались концерты-митинги. Известные артисты, демонстрируя свою солидарность с пролетариатом, ездили на предприятия, где с большим успехом пели оперные арии и читали Шекспировы монологи.

Однако военная гроза далеко не прошла. Город был очищен от белых, но еще во многих других местах страны враг был силен и опасен. Прошедшие румынскую границу добровольческие части на пароходах и транспортах перевозились

в Новороссийск, в этот главный порт генерала Деникина, далеко еще не отказавшегося от идеи раздавить коммунистов.

Дон и Кубань были местами, где Деникин накапливал силы, собираясь обрушиться на красных. На этот раз наступление должно было быть серьезным. Английское командование снабжало части генерала снаряжением и обмундированием.

Недостатка в продовольствии не было.

Французское золото позволяло исправно выплачивать жалованье наемникам. Громадное количество пушек и бронепоездов, самолетов и танков, патронов и медикаментов было сосредоточено в руках добровольческого командования.

В разгаре весны началось вторичное наступление белых. Генерал наступал настойчиво и энергично.

Город встревожился. Стенные газеты, в изобилии расклеивающиеся на заборах, были полны сообщениями с театра военных действий. На этот раз линией фронта была территория области Войска Донского и Кубанская область. Оттуда, имея своим центром и базой город Ростов, наступали части добровольческой армии.

Вся площадь Донецкого бассейна оказалась плацдармом жесточайших боев между регулярными, хорошо снабженными и обученными, отрядами генерала Деникина и вольными, недисциплинированными группами красных партизан.

По сообщениям газет, партизанские группы состояли из матросов Балтийского и Черноморского флотов, из кавале-

ристов и казаков разных частей старой армии, из волонтеров, ставших добровольно под красные знамена, и многочисленных повстанцев. В числе красных, разумеется, было немало и регулярных частей, сведенных в дивизии и армии, но их количество было все-таки далеко не достаточно для того, чтобы вести настоящую и планомерную кампанию. У красных почти не было регулярной артиллерии, а те батареи, которые входили в состав дивизий, находились в плачевном состоянии из-за отсутствия самых необходимых материалов: керосина для чистки пушек, пакли, тряпок, измерительных приборов, «цейсов» и буссолей. Не было почти и командного состава. Старые офицеры избегали службы у красных, а унтер-офицеры хоть и были мужественными, преданными бойцами, однако не всегда могли должным образом управлять боевыми единицами.

IX

Итак, Деникин наступал. Красные партизаны, делая героические усилия и совершая чудеса храбрости, отбивались от наступающего врага, а в тылу лихорадочно комплектовались регулярные части Красной Армии.

С каждым днем город приобретал все более и более военный вид.

На каждой улице была расквартирована какая-нибудь часть. Ежедневно по городу проезжали батареи. На плацах

и площадях производилось обучение призванных в армию. Во дворе воинского начальника стояли толпы поступавших на учет.

Повозки, нагруженные защитными рубашками, поясами и сапогами, выезжали из ворот цейхгаузов. Бывшие офицеры регистрировались у коменданта. Они заполняли карточки, расписывались и получали назначения в части. Штабы береговых батарей, размещенных в аристократических приморских кварталах, были переполнены призванными офицерами и фейерверкерами старой армии.

Многочисленные плакаты призывали к скорейшей организации регулярной Красной Армии. Самым распространенным среди них был плакат, изображавший красноармейца, уставившего на зрителя большой настойчивый указательный палец. Он говорил: «Ты еще не записался в Красную Армию?»

Служить пошли все.

Пошли служить в канцелярии полков престарелые чиновники, записались на батареи гимназисты и студенты, барышни заполняли многочисленные анкеты и садились за ремингтоны в бригадные канцелярии. Это были в большинстве случаев плохие служаки, рассчитывающие на обильный красноармейский паек и на бумажку, предохранявшую от реквизиций и уплотнений. Таких было много, но еще больше там было молодых рабочих, мастеровых и матросов бездействующего торгового флота. Это были надежные, преданные гражд

дане, желавшие как можно скорее покончить с генералом и начать новое строительство.

Время отправки на фронт первых эшелонов новых частей приближалось. Все чаще и чаще на улицах появлялись реквизированные экипажи, подъезжавшие к военному комиссариату. Из экипажей торопливо выскакивали командиры частей и их политические комиссары. Они возвращались, набитые бумагами, деньгами и инструкциями, садились в экипаж и торопились в свои части.

Части были расположены вдоль моря, на дачах. Там, среди кустов цветущего жасмина, в купах свежей акации, в жужжании пчел, в мелькании бабочек и в свисте птиц, на клумбах и лужайках стояли походные кухни, пушки, велосипеды и повозки. Там кашевары наполняли громадными черпаками котелки красноармейцев, стоящих в очереди за обедом. Там убивали быков и рубили топорами дымящиеся туши. Там пищали и крякали уточками желтые деревянные ящики полевых телефонов Эриксона.

Возле пушек спешно производилось учение.

Иногда в огородах собирались митинги красноармейцев, выносивших мужественные резолюции и желавших как можно скорее отправиться на фронт. Профессиональные организации вручали частям знамена с короткими железными лозунгами.

Еще не было единой воинской формы, еще только входил в обиход частей дисциплинарный и гарнизонный устав, еще

многие командиры и красноармейцы не ночевали в частях и приходили на службу в вольном платье, подпоясанные шашками, с винтовками на плече.

X

Наступление Деникина продолжалось.

Нужно было торопиться.

С фронта требовали подкреплений. Первыми были готовы легкий артиллерийский дивизион и два полка пехоты. Они были сведены в дивизию и подлежали отправке в первую очередь.

Я решил отправиться на фронт с первым эшелоном.

Еще за два дня до отправки в местах расположения уходящих на фронт частей было необычайное волнение. Красноармейцы, успевшие привыкнуть к тыловой гарнизонной службе, старательно готовились к походу. Они снаряжали свои походные сумки, чинили седла, проверяли телефоны и чистили пушки. В коммунистических ячейках происходили длительные совещания, после которых присутствующие пели «Интернационал».

Студенты и гимназисты, попавшие в число отправляемых, не ожидавшие и не хотевшие попасть под пули, под всякими предложениями старались остаться в тылу. Многие из них оказались больными, многие дезертировали.

Красных офицеров в то время еще не было, и высшие ко-

мандные должности занимали в большинстве случаев офицеры, преимущественно из числа дезертировавших из добровольческой армии. У них тоже не было ни малейшего желания идти в бой. Политическим комиссарам приходилось бдительно наблюдать за ними, и бывали случаи, когда командиров доставляли в части под конвоем. Для Красной Армии это было очень вредно, но другого положения вещей покуда не могло быть.

Партизанский отряд, взявший город, почивал на заслуженных лаврах. Он нес гарнизонную службу и отдыхал от боев, пользуясь всеми благами тыла. Начальником этого отряда был некто Григорьев, по словам одних – полковник царской армии, по словам других – авантюрист и плут, отличавшийся, впрочем, изрядной храбростью и пользовавшийся безграничным авторитетом у подчиненных ему партизан.

Отряд Григорьева являлся как бы некоторой автономной и привилегированной единицей среди прочих частей гарнизона. Партизаны Григорьева, находившиеся постоянно в победоносных боях, захватили большую военную добычу. Будучи отлично одеты, имея много денег, провианту и спирту, они возбуждали зависть прочих красноармейцев. Никакой дисциплины григорьевцы не признавали. Вернее сказать, они не признавали никакой дисциплины внешней, в то время как дисциплина внутренняя у них была. Эта внутренняя дисциплина, основанная на доверии к своему начальнику, на боевом прошлом части и национальном единстве бой-

цов, была очень высока. Все красноармейцы отряда Григорьева были украинцами. В свое время примкнув к Красной Армии и наступая на добровольцев, Григорьев, несомненно, преследовал некие свои сугубо личные цели. Он мстил генералу Деникину за то, что тот не признавал независимости Украины и бился под лозунгом: «Единая, неделимая Россия». Атаман Григорьев втайне был враждебен также и политике большевиков, которые призывали к единой, всемирной коммуне. Будучи хитрым и дальнзорким человеком, Григорьев почувствовал, что своих целей ему гораздо легче добиться путем союза с Советами. Он нисколько не считал себя связанным с ними и только временно подчинялся главному штабу Красной Армии. Все время он лелеял план захватить на Украине власть в свои руки и установить собственный порядок вещей. Большевики, обманутые ложными уверениями в преданности, слишком доверились атаману Григорьеву, что повело за собой целый ряд так называемых григорьевских восстаний.

День нашего выступления был назначен.

С утра артиллерия начала грузиться в эшелоны, поданные к рампе товарного вокзала. Лошади, грубо ступая подковами по сходням, со страхом шарахались в вагоны. Солдаты вкатывали на площадки пушки и зарядные ящики, кашевары подкладывали под колеса кухонь деревянные клинышки и размещали продукты на полках теплушки-кухни. Красноармейцы, отпущенные на несколько часов в город к семьям,

собирались на рампу, суровые и молчаливые. Многие жены с детьми пришли попрощаться с ними на вокзал. Часовые расхаживали возле вагонов и ящиков с патронами. Телефонисты проводили провод вдоль всего эшелона. В командирский вагон вносили пишущую машинку, крышка которой гремела жестяным, театральным громом.

Наконец батареи были погружены. Теперь наступила очередь пехоты. Ее не было.

Вдруг с вокзальной площади слышались залпы и шум. Я побежал посмотреть, что случилось, и скоро очутился у главного подъезда, на ступеньках гранитной лестницы. Отсюда была видна вся вокзальная площадь. Посередине этой площади зеленел круглый европейский сквер, обнесенный чугунной узорной решеткой. Обычно в сквере гуляли толпы красноармейцев и девушек, соривших подсолнухами. Тут фокусники-китайцы показывали зевакам свое искусство, тут бабы торговали бубликами, тут мальчишки продавали десятками дешевые самодельные папиросы из сушеной травы.

Теперь здесь творилось нечто непонятное, но крайне тревожное. Возле большого серого красивого здания бывших судебных установлений, выходившего лепным фасадом к саду, стоял граненый броневик.

Широкоплечий матрос Черноморского флота, выставивший из тельника атлетическую, сплошь вытатуированную грудь, смотрел в толпу, расставив ноги колоколами и потрясая маузером. Две жилы в виде ижицы были натужены на

его прямою, очень смуглом лбу. Толпа, косо подавшаяся подалеже от броневика, угрюмо молчала. Вокзал был оцеплен матросами. Я пригляделся к толпе. Она почти сплошь состояла из солдат. Это были партизаны атамана Григорьева. Что произошло возле вокзала, нельзя было понять, но мне сказали, что два полка, назначенные к отправке, внезапно восстали, требуя, чтобы их оставили в тылу. Передавали, что эти полки, стоявшие рядом с отрядом Григорьева, распропагандированные украинскими «самостийными» шовинистами, примкнули к атаману и неожиданно как для самого Григорьева, так и для красного командования выступили против власти. Они преждевременно открыли карты Григорьева и, не получив от него поддержки, принуждены были сложить оружие. Говорили, что часть их отправилась к вокзалу, желая обратить на свою сторону артиллеристов и воспрепятствовать батареям выехать на фронт. Возле вокзала произошло столкновение с броневиком, после чего последние вспышки мятежа были затушены.

Однако взбунтовавшиеся части необходимо было совершенно переформировать, и батареям пришлось выступить в поход вне своей пехоты. Этим же вечером наши эшелоны вышли в северо-восточном направлении по Новой Бахмачской дороге.

XI

Эшелон гнали всю ночь.

Фонари мелькавших полустанков стреляли в щели вагонов, пугая лошадей. Никто не имел права задерживать поезд на станции свыше пяти минут. Последние полученные в городе сведения с фронта были крайне тревожны. Необходимо было торопиться.

Наутро я увидел, что поезд идет уже очень далеко от города. Вокруг была зеленая, весенняя степь. Реки блестели в туманных впадинах местности. Скот, оставленный пастись на ночь в поле, бродил, опустив головы, в мокрой и темной траве. Ветер дул в широко раздвинутые двери товарного вагона, принося сложную и очаровательную смесь полевых запахов. Телеграфные столбы проплывали мимо нас с удивительной быстротой, и ряды проволоки волнообразно подымались и опускались, подбрасываемые стуком колес по стыкам.

В десять часов утра мы достигли большой узловой станции; в котловине скрывался город, именем которого она называлась. Эшелон остановился. Здесь должна была произойти проверка личного состава. Красноармейцы выпрыгивали из вагонов и строились против состава, по линии противоположного полотна. Их лица носили на себе еще туманные следы утра, но глаза блестели на солнце, и новый путевой ветер возбуждал в них новые мысли, так не похожие на мысли,

занимавшие их в тылу. Сила города, тяготевшая над ними, была разрушена.

Общая переключка обнаружила многих дезертиров. Их списки были немедленно сданы на телеграф и отправлены по адресу военного комиссариата и чрезвычайной комиссии. На путях станции стояли также и другие эшелоны, отправлявшиеся туда же, куда и мы. Солдаты умывались, сливая друг другу воду из котелков и кружек. Очень яркая и радужная вода брызгала вокруг разноцветными каплями и, падая в густую, уже теплую пыль, сворачивалась крупными ртутными шариками.

Совершив проверку и осмотр части, командир приказал продолжать дорогу. Эшелон тронулся, провожаемый многочисленным провинциальным населением, пришедшим из города посмотреть на войска, уходящие в бой.

За день мы проехали две или три губернии. На крупных станциях везде было одно и то же. Торговки предлагали булki и яйца, мальчишки бегали, протягивая махорку, похожую на конский навоз, и дешевые папиросы. Мужики в похожих на верблюжьи свитках, подпоясанные красными кушаками, опирались на высокие палки и шурились на солнце. Матросы с бронепоездов и кавалеристы многих эскадронов, ярко и живописно одетые, рассказывали нашим красноармейцам о своих военных подвигах и о положении дел в стране.

Положение в стране было самое запутанное. Разнообразное и многочисленное население желало самых разнообраз-

ных режимов, начиная от реставрации старого и кончая введением полного анархизма. Каждый уезд и, пожалуй, каждая волость желали по-своему устроить свою жизнь, совершенно не считаясь с желаниями других уездов и волостей. Значительная часть мечтала о директории, некоторая часть требовала гетмана, очень многие были сторонниками анархиста и демагога Махно, отряды которого были повсюду. Молодежь преимущественно сочувствовала власти Советов, но недостаток агитаторов и литературы не позволял это сочувственное отношение превратить в реальную силу. Молодой Советской власти были свойственны все ошибки и недостатки молодой власти.

Дальнейшее продвижение было сопряжено с некоторой опасностью. Несмотря на то что, подобно атаману Григорьеву, Махно формально примыкал к красным и вместе с ними отражал наступление Деникина, банды махновцев на местах действовали враждебно Советской власти. Неоднократно они разбирали железнодорожные пути, нападали на поезда и отнимали у проезжавших оружие, вещи и деньги. Нередко банды махновцев достигали нескольких тысяч человек, и тогда их нападения представляли опасность даже для значительного воинского эшелона. Проезжая по наиболее опасным местам, мы становились под защиту двух бронепоездов, специально конвоирующих проходящие здесь поезда.

По дороге нам передавали о дерзких нападениях на станции, о крушении эшелонов и о многих других подвигах банд,

но с нами в пути не случилось ничего худого, и на следующий день мы благополучно прибыли в город Александровск – крупнейший тыловой город фронта. Здесь наши батареи подлежали окончательному укомплектованию людьми, лошадьми и снаряжением.

Батареи пробыли в городе Александровске три дня.

Эти дни были днями напряженнейшей организационной работы.

Командиры и военные комиссары почти не ложились спать. Нужно было получать новые пушки, телефонное и обозное имущество, лошадей, обмундирование, людей и деньги.

Ежедневно на батареи приезжало высшее артиллерийское начальство. Инспектор артиллерии фронта, черноусый украинец из бывших подпрапорщиков, производил тщательное инспектирование батарей. Он экзаменовал командиров, заглядывал в каналы стволов трехдюймовок, заглядывал лошадям в зубы и предъявлял красноармейцам претензии. Это был опытный артиллерийский хозяин, не более, однако, чем в батарейном масштабе. Проявляя необыкновенное внимание к мелочам, он, однако, в силу неопытности, в крупной работе армейского масштаба упускал очень много весьма важных недостатков частей. У большинства батарейных, а зачастую и дивизионных командиров не было хороших биноклей и рогатых труб «цейса». Отсутствовали дальномеры и буссоли, а также и топографические карты предполагав-

шейся местности боя.

С утра до вечера командиры частей разъезжали в привезенных с собой экипажах по знойному, пыльному речному городу – из штаба в казначейство, из казначейства на вокзал, с вокзала на заводы и склады за получением необходимых мелочей для полного оборудования батарей.

Город представлял собой мужественный лагерь, сосредоточивший все роды оружия, все типы бойцов, все цвета одежд. То и дело по улицам мчались на рысях эскадроны, перестраивались, блестя штыками, полки, развевались красные знамена.

По многим типичным признакам опытный человек сразу мог определить близость фронта. Но линия наступления белых и отступления красных так быстро, неожиданно менялась, что ввиду плохой связи даже штабы не были точно осведомлены о месте сражений.

Вокруг города появлялись банды.

Здесь их было еще больше, чем в местах, по которым мы проезжали.

Город находился на левом берегу Днепра, в нескольких верстах ниже знаменитых Днепровских порогов. На правом, возвышенном, берегу орудовала большая, хорошо известная командованию и населению, банда атамана Чайковского. Чайковский был явный враг Советской власти и сторонник директории. В его распоряжении находилось несколько пушек и значительное количество кавалерии.

Заняв командные высоты на правом берегу Днепра, атаман Чайковский постоянно угрожал городу обстрелом и сильно мешал судоходству по Днепру. Почти каждый пароход, выходявший из Александровска вниз, за десять верст от города подвергался обстрелу бандитских батарей. Бороться с Чайковским было так же трудно, как и с другими украинскими бандами, обыкновенно опиравшимися на благожелательное отношение населения. Кроме того, у красных каждая регулярная часть была необходима для усиления линии фронта против генерала Деникина, где положение с каждым днем становилось все более угрожающим.

Вскоре в город прибыл штаб революционного военного совета армии, действовавшей в этом районе. Эта армия была Четырнадцатой, впоследствии так прославившейся во многих делах.

XII

Я видел Ворошилова, командира армии, который на вокзале провожал красноармейцев. Он показался мне худым и высоким. На нем были простая кожаная фуражка и ладная кожаная куртка.

Он говорил коротко и просто. Говорил скупой, но по существу. Его слова были направлены не в сторону отвлеченных рассуждений по поводу текущего момента, но в сторону реальных требований этого момента.

Тысячная толпа уходящих на линию огня, среди которой были и наши артиллеристы, с большим вниманием и серьезностью слушала речь военачальника.

После его выступления задавали такие же простые, как и его речь, прямые солдатские вопросы, и он не торопясь, деловито отвечал на них. Во время митинга лицо у него выражало крайне сосредоточенную озабоченность.

В полночь нашу батарею погрузили в эшелон. На этот раз батарея была придана южному полку, перебрасываемому из Крыма на восточный участок фронта.

Люди этого полка были закалены в недавних боях, хорошо обмундированы и спаяны той особенной спайкой, которой отличаются солдаты, привыкшие переносить друг с другом все тяжести и опасности войны.

Командир полка, бывший прапорщик, низенький коренастый татарин, похожий на студента, человек необыкновенной силы, носивший пенсне на черном шнурке, заложенном за ухо, всю ночь, не смыкая глаз, сидел со своим помощником, наклонясь над ломберным столом, где были разложены многочисленные топографические карты.

Тяжелые медные подсвечники прыгали по ним, как лягушки, и свет двух свечей танцевал на стенах и лицах.

На Крымском фронте полк потерпел ряд жестоких разгромов. Его состав менялся трижды. Полк занял несколько городов и был известен своей храбростью. Неоднократно раненный, но всегда остававшийся в строю, командир полка

был любимцем красноармейцев. Дисциплина в его части была поразительна. Теперь, переброшенный на новый фронт и попавший в новую войсковую среду, командир полка был озабочен многими важными вопросами. Он спешно по карте изучал местность, где придется биться его солдатам. Он взвешивал тысячи неожиданностей, могущих произойти в условиях этой местности. Он рассчитывал количество фуража, провианта и патронов своей части. Теперь у него прибавилась еще одна важная забота – забота о батарее, которую ему дали, и о чужом молодом полке, шедшем под его верховным командованием.

Эшелон шел с еще большей спешностью, чем при нашем выступлении. Дождь и ветер резали по крышам вагонов. Станции головокружительно валились в хвост поезда всеми своими огнями. То и дело во тьме и шуме движения громадного расшатанного состава звучали выстрелы часовых – это значило, что произошло какое-нибудь несчастье и надо остановить состав. Однако состав не останавливался. Перед рассветом с одной из площадок упала корова. Она была привязана за рога к кольцу платформы. Часовой выстрелил. Но командир не разрешил остановить поезд. Корову проволокло версту, после чего она была убита колесами.

Эшелон наш двигался на выручку группе Красной Армии, отбивающейся от добровольцев в юго-восточном направлении. О месте происходящих боев точных сведений не имелось. По словам одних, линия фронта была далеко на юго-во-

стоке, в середине Донецкого бассейна; по предположениям других, фронт в настоящее время находился не далее шести-десяти верст восточнее станции Лозовой, к которой приближался наш состав. Некоторые утверждали, что победа перешла к красным и в настоящее время Деникин отходит к Ростову-на-Дону. Во всяком случае, к немедленным боевым действиям никто из начальников и солдат не был готов.

Часов в одиннадцать утра, в обед, эшелон пришел на станцию Лозовую.

Предполагали, что он остановится не более чем на пять минут и будет отправлен дальше. Однако нас задержали. Никто не знал причины задержки. Солдаты вышли из вагонов и разгуливали по путям. Здесь, как и на прочих станциях, бабы продавали пироги, мальчишки – махорку и девочки – великолепное топленое молоко, покрытое коричневой пленкой, в холодных до поту глиняных кувшинах.

Кроме наших солдат, на станции не было других военных. Командир ходил на телеграф, где долго оставался на прямом проводе, лично выстукивая вопросы и получая ответы, отписанные на выползавшей из медного аппарата длинной бумажной стружке. Долгий опыт гражданской войны научил этого человека телеграфному коду и умению обращаться с прямым проводом без помощи телеграфиста.

Выйдя из отделения телеграфа, командир не отдал никаких распоряжений, но, приземистый, злой, в громадной бурке, широкими шагами стал расхаживать по платформе, эне-

гично ухватившись за топографическую клеенчатую, кожаную и целлулоидную клетчатую сумку.

По другую сторону вокзала, у рампы, уже стоял разноцветный новенький состав Реввоенсовета армии.

Несколько штабных в синих галифе вошли в сине-желтый вагон-микст, у дверей которого стояли часовые с ружьями-пулеметами Луиса. Два черноморских матроса с грохотом прокатили по рампе пулемет Максима. В одном месте у зеленого вагона стояли ребром два желтых ящика с пулеметными лентами. Под вагонами росла пыльная провинциальная трава. Легкий украинский зной стоял над станцией. Лениво кричал петух. Впереди, у водокачки, слабо попыхивал пар.

Там стоял бронепоезд: два угольных, наскоро заблиндрованных вагона, посередине паровоз и впереди контрольная площадка, заваленная шпалами, рельсами и стыками.

В угольных вагонах были установлены трехдюймовки со снятыми чехлами.

Несколько черноморских матросов с серьгами в левом ухе сидели у пушек, свесив брюки клеш за борт вагона.

Затем реввоенсоветовский поезд ушел.

Стало пустее и тише. Пел петух.

Командир полка шагал по рампе, изредка заходя в прохладный громадный и совершенно пустой зал первого класса, где его шаги звучали плевками по плитам.

Затем произошло общее движение.

Я видел верхушку водокачки, откуда два черноморца смотрели в бинокль вдаль. Бронепоезд подвинули назад. Сзади подошел еще один эшелон.

– Передки на батарею! – закричал кто-то.

Но и батареи, и передки, и лошади были еще на площадках и в вагонах. Эта команда была бессмысленна. Составы подали еще вперед, и отцепленные паровозы, попыхивая паром, прошли мимо состава назад.

– Разгружайся!

Солдаты, уверенные, что далее придется идти пешком порядком еще верст восемьдесят, вышли из вагонов и откинули бока площадок, чтобы разгрузить артиллерию. Некоторые стали сбрасывать на землю тюки прессованного сена.

Командир полка пробежал к своему эшелону. Одной рукой он держался за карту, другой – за черный шнурок пенсне, заложенный за ухо.

Вслед за тем внезапно всякий шум совершенно смолк, и в наступившей тишине явственно послышались короткие и редкие железные попыхивания пара, бьющего в поршень. Однако в этих редких железных вспышках было нечто угрожающее. Они делались резче. Одна из них гроыхнула совсем громко – в лоб.

Тогда все пришло в движение.

Люди тащили сходни к вагонам, чтобы разгрузить лошадей. Лошади прыгали и ломали ноги. Стрелки, обдергивая летние новенькие защитные рубахи, растерянно строились

в две шеренги, пересчитываясь и двигая винтовки. Телефонисты тащили куда-то вправо катушки и аппараты. Кто-то страшно ругался. Составы стали опять двигать — сначала назад, а затем вперед.

Впереди, в поле, лежала цепь. Откуда она взялась, было неизвестно. Отстреливаясь, она отступала по вспаханной земле. Несколько всадников с пиками маячили на флангах, прикрывая, видимо, отступление.

Спереди вырвались две гранаты и, низко просвистав над головой, легли где-то в отдалении, за станцией. Там лопнуло два выстрела.

Люди бросались под вагоны.

Черноморцы сбегали с водокачки вниз. Бронепоезд отходил назад. Следующие две гранаты упали ближе, но наступавших не было за суматохой видно.

Паровозы отчаянно засвистали.

Следующая граната проломила крышу вокзала, и из крыши повалил дым и полетели щепки.

Кто-то скороговоркой сказал:

– Добровольческие броневики прорвались в тыл.

Ружейная трескотня приближалась. Шальная пуля щелкнула в рельс и пропела рикошетом.

Началась паника.

Через десять минут станция была почти очищена. Наполовину разгруженные составы уходили по трем направлениям: на Екатеринослав, на Полтаву и на Харьков.

Массы одиночек шли вразброд по вспаханному полю куда глаза глядят. Конные патрули тщетно останавливали бегущих. Эскадроны гнали табуны неоседланных лошадей. Военком какой-то совершенно незнакомой части ехал на бегунках, окруженный всадниками. Издали станция казалась разбитым ульем. Из нее валил дым. Над ней рвались шрапнели. Составы катились, поблескивая стеклами на опустившемся солнце.

Невидимый неприятель, бывший из морских скорострелок по отступающим, приводил в состояние полного замешательства и расстройства.

Отступив верст за пятнадцать, эшелоны остановились.

Здесь было решено подтянуться и окопаться. Но распоряжений никаких еще никто из командиров не получил. Начальники производили учет сил. Путаница была невероятная. Часть артиллерии была увезена на Екатеринослав, часть – на Харьков. Трех четвертей людей не хватало. Вечер застиг эшелоны стоящими на полустанке в нерешительности.

Командир полка, проходя вдоль эшелона, сказал адъютанту:

– Это все партизанщина. Кустарная война. Мы должны бить гадов по всем правилам.

Две гранаты резнули воздух и разорвались. Одна попала под колеса паровоза, другая раскидала в клочья прессованное сено.

Обезумевшие люди бросились бежать.

По густой желтой полосе зари, как в агонии, скакали всадники, падали стрелки, мелькали руки и ноги. Вся эта бегущая в одном направлении неорганизованная, страшная черная масса, сливающаяся с наступающей ночью, была незабываема.

XIII

Долой партизанщину! Таков был лозунг, под которым летом 1919 года на Украине организовывали Красную Армию. Почти непрерывно армия была в деле. Разнородные, подчас автономные, отряды самых разнообразных родов оружия бились с наступавшими белыми на юго-востоке Украины. Эти партизанские отряды, группы и почти корпуса, не имевшие между собой связи, не имевшие общего командования, подчинявшиеся своему командиру и не признававшие других распоряжений, действовали на свой риск и страх, отражая планомерное наступление Деникина, предпринятое по всем правилам французской и английской стратегии.

При таком положении дел боевых успехов быть не могло. И даже сила одной общей идеи, вдохновлявшей все эти разнородные партизанские единицы, была бессильной остановить наступление белых.

То и дело в тылу вспыхивали восстания, беспорядки и неурядицы. В большинстве случаев они были основаны на пустячных недоразумениях и могли произойти только в

условиях отсутствия связи, агитации и единства командования.

Я видел на станции Синельниково партизанскую часть из нескольких эскадронов одного из царских кавалерийских полков. Всадники этого отряда полностью сохраняли свою старую форму (погон и кокард, конечно, не было). Георгиевские кресты, медали и прочие знаки отличия носились солдатами с полным достоинством, и с таким же достоинством, по-видимому, сохранялись все прежние традиции полка. При всем этом полк был революционен и готов был драться за Советы со всей своей доблестью.

Отряд, задержанный по каким-то причинам на несколько дней, расквартировался на станции. Солдаты отряда держались особняком от солдат других проходящих, расквартированных здесь частей. Было такое впечатление, что солдаты этого партизанского отряда считают себя главным оплотом Советов и другим воинским частям не доверяют.

В местном железнодорожном театре ежевечерне шли спектакли. Перед спектаклями устраивались митинги. Солдаты, наполнявшие театр, выходили на эстраду и говорили. Каждый говорил на своем языке и о своем. И сколько было частей, столько было мнений и интересов. Каждая часть оценивала события по-своему. Но никто не понимал друг друга.

Атмосфера была натянутая и взвинченная.

Кавалеристы партизанского отряда заполняли обычно более половины театра. Их ораторы наиболее часто говорили.

Я слышал одного из них. Это был коренастый немолодой рыжий улан, по-видимому младший унтер-офицер. У него на груди висел какой-то очень странный медный священнический крест на владимирской черно-красной ленте. Выпятив грудь в коричневом мундире колесом и теребя ус, он стал говорить. Насколько можно было понять, он требовал немедленного наступления и уничтожения внешнего и внутреннего врага. Под врагами внешними он подразумевал белых офицеров, под врагами внутренними – «жидов, чеку и комиссаров». При этом он кричал: «Да здравствуют Советы!»

Керосиновые лампы с трудом пробивались сквозь тяжелый махорочный воздух. Шелуха семечек на пол-аршина покрывала пол. Из дырок полопавшегося занавеса в зрительный зал смотрели блестящие глаза актеров. Из оркестра торчали грифы контрабасов и флейты.

Батарейцы имени Ленина, проездом через станцию зашедшие в театр, были взволнованы словами, произносившимися с эстрады. Один из батарейцев крикнул оратору:

– Эй, ты, чего кресты царские на груди развесил!

Военком схватился за наган.

Внезапно все вскочили с мест. Рыжий улан, побагровевший, потный и злой, подскочил к батареецу и взял его за ворот. Солдаты заревели. Лампы мгновенно были разбиты.

– Махновцы! – закричал кто-то во тьме и давке.

– Буду стрелять!

И вдруг:

— Берегись, кидаю бомбу!

Озверевшие люди ринулись к дверям, опрокидывая скамьи и теряя фуражки. В ту пору каждый партизан носил за поясом ручные гранаты.

Я видел, как люди выскочили на темную, грязную улицу. В совершенно черном небе несколькими разноцветными звездами блистал вокзал. Туда бежали батарейцы, спасаясь от партизан. Они размахивали ручными бомбами. Хлопнул револьверный выстрел. И еще долго партизаны ходили с фонарями по всем эшелонам, отыскивая батарейцев. Они отдирали тяжелые двери теплушек и освещали спящих. К утру все успокоилось. Но военком артиллерийской части в волнении просидел на телеграфе до утра.

Таково было это время военной партизанщины на Украине.

1920 г.

Пороги

Это было одиннадцать лет назад.

Наша батарея получила приказ выгрузиться в Александровске для окончательного укомплектования пушками и лошадьми. Мы расквартировались на окраине города, в белом здании народного училища. Наши орудия были до последней степени изношены и ржавы, а лошади больны чесоткой.

Мы обшарили все артиллерийские склады и конские резервы, но не нашли ничего лучшего.

Керосина для чистки пушек не было; лечить лошадей не стоило – с минуты на минуту мы могли получить приказ выступить.

Между тем никто даже в штабе в точности не знал, где в данную минуту находится фронт.

Город питался слухами. Бои шли по железнодорожным линиям. Иные утверждали, что нами занят Ростов, иные, напротив, передавали, что части генерала Деникина вышли на линию Матвеева Кургана и офицерские бронепоезда громят Лозовую.

В тылу вспыхивали кулацкие восстания. То и дело объявлялся какой-нибудь новый атаман – то Махно, то Ангел, то Заболотный. Одним словом, было плохо.

Однажды, выслушав вечерний доклад старшины батареи

и подписав химическим карандашом рапортчику на завтрашнее довольствие, я пристегнул портупею и вышел во двор.

Густая южная ночь неподвижно висела между небом и землей, полная звезд и запаха листьев. Было начало июня. Желтый свет ложился из окон штаба в бурьян. Цветущие венники прятали колеса орудий и зарядных ящиков.

За окнами, закрытыми из предосторожности, заседала ячейка. Тени спин и фуражек то падали у самого дома, то вдруг вытягивались, как резиновые, через весь двор до конюязи, пугая больных лошадей.

Лошади всем табуном грубо шарахались в одну сторону, издавая утробное ржание и вырывая из земли колья.

– А, штоб вам повылазило, хвороба! – раздавался негромкий голос босого дневального, и он замахивался на задранные морды брезентовым ведром.

Лошади тотчас утихали. Слышался только волосяной свист хвостов.

Я открыл калитку и, широко шагая по мягкой дороге, пошел к Днепру. Настроение у меня было подавленное. Я двигался вдоль цветущих изгородей, мимо хат, едва белеющих сквозь пыльную листву вишневых палисадников. Ни в одном окне не горел огонь. Все вокруг было мертво и безмолвно.

Изредка из-под ворот выползала спущенная с цепи собака и страстно бросалась на меня с потайным, почти неслышным, рычанием. Я отгонял ее ножами шашки.

Вскоре дорога пошла круто вниз. Я ощутил реку прежде, чем ее увидел. Пресная свежесть воды охватила меня с ног до головы. Я почувствовал острый запах осоки. Почва под ногами стала легкой и упругой. Я узнал ее сразу. Это был толстый пласт высохшего ила, смешанного с тиной и обломками камыша. Совсем близко раздался крик лягушки, сходный со скребущим звуком ножа, открывающего раковину.

У самых моих башмаков захлюпала вода. Отражение звезды побежало, дробясь на уровне подошвы. Я увидел реку. Она была светлей неба.

Я разбудил лодочника, спавшего в кустах, и нанял его на всю ночь. Он вытащил из-под скамейки лодки весла. Загрели уключины. Мы поехали вверх, к порогам.

В ту пору я был очень молод и на досуге сочинял стихи. В моей старой походной тетради сохранилось несколько строк, написанных карандашом. Вот они:

Пресной свежестью реки
Пахнут в полночь тростники,
В речке пляшут огоньки.

В тишине прохладных плавней
Ветер воду бьет крылом.
Все быстрее и своенравней
Вьются струйки под веслом.
Сон к воде осоку клонит;
Потемневший берег тонет

В полумраке голубом.

Гладь реки светла, как воздух,
Берега темны, как лес,
И в туманных млечных звездах
Мы висим меж двух небес.

Лодка вышла на середину реки и упрямо плыла против сильного и широкого течения. Порывы нежного ветра приносили с берега запах цветущей акации и залиvistый лай деревенских собак.

Вдруг раздался отдаленный пушечный выстрел. Ночь дрогнула. Двойной шум эха пролетел по выпуклой поверхности реки, потрясенной до самого дна. Небо покачнулось над головой, как зеркало. По звездам бегло пролетела зарница.

– Что это такое? – спросил я, тревожно наклоняясь вперед.

Лодочник продолжал не торопясь выгребать против течения.

– Це батько Чайкивский людей пужает, – после некоторого молчания сказал он. – Мабуть, заметил на реке якись пароход и бабахнул.

Верстах в семи от Александровска, вниз по течению, на правом берегу действительно хозяйничала банда атамана Чайковского. Я уже слышал о нем. Ночами он ставил пушку в камышах и стрелял по судам, проходящим мимо. На днях

он потопил пароход.

Я ждал второго выстрела. Его не последовало. Становилось ощутительно свежей.

Послышался шум порогов. Приближалось утро. Вода и небо обменялись тонами. Раньше вода была светлей неба. Теперь небо стало светлей воды.

Река на порогах шумела, как сотня мельниц. Мы шли вдоль дикого острова Хортица, вдоль плоской полосы песка, заросшего камышами и вереском. Дальше берег Днепра громозвился глыбами серого гранита. Чудовищные его обломки во множестве валялись, как после циклопической битвы, посередине реки, преграждая ее течение. Стесненная вода сердито бурлила и рвалась среди них, отыскивая ходы и покрывая сивый гранит бешеной своей пеной.

Сделалось свежей. Далеко на правом берегу, в Кичкасе, стали запевать вторые петухи, может быть третьи. Но эти два шума – говор порогов и пение петухов – не смешивались между собой. Они существовали отдельно. Стоило прислушаться к петухам, как тотчас умолкал Днепр. Стоило прислушаться к Днепру, как ухо теряло петухов. Я вспомнил Фета: «...то мельница, то соловей...»

Лодку стало крутить. Я попросил повернуть обратно. Сделать это было не так-то легко. Лодка перестала слушаться весел. Мы попали в ловушку. Скрещивающиеся течения, щелкающая камешками, бросали нас во все стороны. Они ударяли то в правый борт, то в левый. Иногда мне казалось, что вот

сейчас мы налетим на скалу и разобьемся в щепки.

Однако лодочник оказался человеком бывалым. Не теряя спокойствия, он осторожно, как бы исподволь, почти не работая веслами, выводил лодку из водоворота, не давая ей коснуться камня. Минут десять продолжалась эта упорная, кропотливая борьба с обозленной водой.

Мне оставалось одно – положиться на ловкость лодочника. Я растянулся на корме лицом вверх и, обеими руками поддерживая на затылке фуражку, смотрел в хмурое утреннее небо. Оно качалось и поворачивалось надо мной всеми своими поредевшими утренними звездами, вызывая головокружение и тошноту.

Будущее казалось мрачным, настоящее – безвыходным. Патронов нет, пушки изношены, лошади больны, связь с фронтом порвана, со всех сторон измена, сбоку Махно, в тылу Чайковский.

История, как необузданная река, несла революцию и Республику по своим порогам, по чудовищным обломкам прошлого, каждую секунду готовая разбить нас в щепки, завертеть и навсегда покрыть ядовитой пеной.

Утро свело с неба последние звезды. Заря наливалась, как вишня. Когда мы вернулись, солнце уже всходило. В пыльных садах щебетали птицы. Моя гимнастерка и вязанные обмотки были мокрыми от росы. Через прохладную дорогу переходили розовые гуси. Под телегой брэнчало ведро. В соборе звонили к обедне – была троица.

На батарейном дворе стояли пушки, испещренные солнечными лучами, бьющими почти горизонтально сквозь мокрый бурьян.

Чесоточные лошади тяжело переступали на месте, терлись крупами и нежно трогали желтыми зубами, покрытыми зеленой слюной, содрогающуюся веревку коновязи. Над ними летали синие мухи.

В окнах еще виднелся свет. Но окна уже были открыты настежь. Из них выходил табачный дым. Заседание ячейки только что кончилось. Пели «Интернационал». Кашевар разводил огонь в походной кухне. Завхоз, сидя спиной к ослепительному солнцу, развешивал продукты. Все пришло в движение.

Полчаса назад был получен приказ грузиться. В пять часов вечера мы отправились на фронт.

До самой погрузки я и политком метались в грязном дивизионном экипаже по знойному, пыльному и равнодушно-му городу в поисках биноклей, буссолей, орудийного сала, керосина, патронов, упряжи.

Я навсегда запомнил невероятно длинный сквер Соборной улицы, вывески парикмахеров, деревья, названия которых не знал, так хорошо знакомые мне с детства деревья с кучками крылатых семян, висящих под многоугольными листьями, как гроздья зеленых стрекоз.

Солнце пекло наши спины. Кожа внутри околышей фуражек была полна горячего пота. Проезжая мимо пристани,

мы решили выкупаться. Стоя по горло в прохладной воде, я видел черепичные крыши сонного города и синеватые тучи, собирающиеся над ними. Мимо проплыл тяжелый баркас.

Бегут по желтой речке
Лиловые колечки
И тают за кормой.

На пристани, за баркой,
Куря, в рубахе яркой
Стоит мастеровой.

За ним светло и сонно
Блестит стекло вагона,
Как белый огонек.
А вдалеке, на горке,
Сквозь синий дым махорки
Скучает городок.

Таков был мирный пейзаж Днепра и города Александровска, изображенный мною в той же походной тетради.

К пяти часам погода испортилась. Пошел парной дождик. Лошади скользили и падали на колени, всходя по мокрым сходням в вагоны.

Несколько эшелонов, прибывших утром, стояли на путях. До сих пор безлюдная, станция была переполнена проезжими красноармейцами. По перрону катили пулеметы. Армейские повозки и кухни превратили станционный сквер в ба-

зарную площадь. Шелуха подсолнухов и кабачковых семечек, плотно вбитая в черную землю гвоздатыми башмаками пехотинцев, дополняла сходство.

Всюду мелькали красные панталоны кавалеристов, банты на фуражках, матросские воротники, деревянные ящички маузеров, звезды, оружие и юбки красноармейских баб.

Командиры и политкомы подъезжали в реквизированных экипажах.

Член Реввоенсовета армии, луганский слесарь Клим Ворошилов, держал речь перед бойцами. Он стоял, дымящийся под дождем, на патронных ящиках, сложенных в штабеля на дебаркадере. Мгла митинга окружала его со всех сторон. Слова его были просты, и голос сорван.

Ударил музыка. Толпа закричала. Заходящее солнце изнутри осветило истощенную тучу. Туча стала цвета клюквенного киселя с молоком.

Мы сели в вагоны. Поезд тронулся.

Солнце блистало красным леденцом на трубах уплывающего оркестра. Эшелон вырвался в поле. С открытой площадки упала привязанная за рога корова.

Часовой выстрелил в воздух. Комендант приказал не останавливаться. Корову проволокло километра полтора за поездом, прежде чем ее пестрая туша не скатилась под откос.

Яркие, свежие, вымытые дождем и дожелта отлакированные зарей, крутились вокруг эшелона поля. Бойцы сидели в дверях теплушек, свесив вниз босые, натертые обувью но-

ги. Гармоники и балалайки гремели по всему составу. Ветви украшали по случаю троицы вагоны. Перловые капли прошедшего дождя дрожали и катились по слегка привявшей листве белой акации и черемухи.

Поезд шибко летел в надвигавшуюся с востока темноту.

Это было ровно одиннадцать лет назад.

Много с тех пор утекло воды в Днепре. Александровск называется теперь Запорожьем. На днях из окна вагона, с высокой железнодорожной насыпи, я увидел и сразу узнал его гончарные крыши. Они ползли вниз, среди вишневых садов, медленно обгоняя друг друга и рябя вдаль черепичной сплошью. Они напоминали Баварию. За ними не столько виднелась, сколько ощущалась большая вода.

Было яркое июньское утро. Ночью шел дождь. С поля дуло удивительным ветром.

Я бы ничуть не поразился, увидев вдруг под откосом убитую корову, – до такой степени был знаком мне этот пейзаж. Он навсегда врезался в память с той неистребимой ясностью, с какой до конца жизни запоминается стена, под которой в детстве копал перочинным ножиком ямку, или трава, по которой впервые шел в бой.

«Прошло одиннадцать лет, и ничего не изменилось с тех пор вокруг».

Так должен был бы написать я, если бы подчинялся традициям старого литературного жанра. Однако это совершенно невозможно. Эпоха разошлась со стилем. Старые формы не

отвечают более объему и качеству нового содержания. Так же, как этот имеющий для меня одиннадцатилетнюю давность пейзаж не в состоянии был вместить в себя признаков нового своего назначения и места в мире.

Новое гранитное шоссе, стесненное старыми домиками, вместо того чтобы прямолинейно пересекать местность, принуждено было извиваться и корчиться, как рельс, вытасканный из пожара. Серые автобусы и легковые машины новейших выпусков и лучших марок бегали взад и вперед, салютуя друг другу молниеносными вспышками металлических частей. Они рвались вон из поля зрения и в конце концов вырывались, входя и выходя вон из пейзажа.

Мы обгоняли, и нас обгоняло множество длиннейших товарных составов.

Площадки и вагоны были гружены лесом, туфом, железом, цементом, песком, продовольствием.

Подобное движение бывает в ближайшем тылу очень важного участка военного фронта перед решительными операциями.

Местность все более походила на прифронтовую полосу. Гора вырытой почвы – светло-желтая насыпь фортификаций – пересекла ландшафт.

Она тянулась влево, пропадала среди домов и деревьев, вновь показывалась и опять пропадала. Это была строящаяся железнодорожная ветка. В последний раз она появилась очень далеко, и ее профиль резко возник на синеве третьего

плана.

За ним высилось нечто неразборчиво-туманное, большое и до такой степени «выходящее вон» из знакомого пейзажа, что невольно являлось сомнение: да полно, здесь ли я был одиннадцать лет назад, не ошибся ли местом?

Там стояли в ряд смутные силуэты зданий. Они сливались в лиловый и длинный профиль некоего – скорее воображаемого, чем существующего – города, даже не города, а порта с его элеваторами, эстакадами, кранами, пакгаузами, маяками.

Мы издали огибали мираж, постепенно и крайне осторожно приближаясь к нему с фланга.

Иногда он, этот мираж, действительно пропадал, как бы рассыпался, но вскоре опять возникал с увеличенной ясностью.

Справа и слева открылся покрытый островами Днепр. Поезд вошел на мост. Железный шум ударил в гранитные берега. Броневое эхо встало во всю головокругительную высоту – от шибкой воды до переплетов моста, замелькавших, как рубашка тасуемых карт.

В левых окнах вагона, уже ничем не скрытая от глаз, от начала до конца развернулась поперек реки панорама строительства. Река была перегорожена, завалена, засыпана, заделана, замурована. Дерево, камень, земля, железо, цемент, наваленные и наложенные в кажущемся беспорядке между берегами, представляли черновой набросок гигантской пло-

тины, над которой местами подымались белые султаны ползающих паровиков.

Впрочем, одна часть сооружения представлялась совершенно сделанной: это было семь узких пролетов высокой и светлой плотины, выведенной из левого берега до четверти реки.

Издали оба берега, насколько хватало зрения, казалось, кишели муравьиной жизнью и были засыпаны щепками.

Мелькнуло множество кранов, вагонов, зданий. Но всех подробностей невозможно было рассмотреть. Мост кончился. Правый берег закрыл картину.

Осталось только впечатление большого и необычного.

До того необычного для земледельческой России, что один из нас сказал, вцепившись руками в оконную раму:

– Н-да! Действительно... Вот тебе и Миргород! Вот тебе и вечера на хуторе близ Диканьки! Америка! Детройт!

Слово было найдено. Детройт! Индустриальный пейзаж. Так вот как она будет выглядеть, наша «избяная, кондовая, толстозадая», когда через несколько пятилеток покроется сетью таких «детройтов»!

Мы подъезжали к станции. Рабочие бараки, чистенькие, новые, с белыми односкатными крышами, на которых – лозунги о пятилетке, индустриализации, трудовой дисциплине.

На площадке молодежь в майках играла в футбол. Луга вокруг были покрыты бурьяном, распутившимся желтым

цветом. Над лугами мерцали бабочки-капустницы.

Поезд остановился. Из открытых окон маленькой станции – дикого домика – слышались разнотонные звонки служебных телефонов и провинциально громкие голоса, настойчиво вызывающие телефонную барышню. Но в общем, вокруг было тихо, солнечно и безлюдно.

Автомобиль понес нас по дороге, мимо совсем молоденьких палисадов и бараков, которых оказалось гораздо больше, чем мы предполагали. Целый поселок. Но это были только самые отдаленные подступы к главному. Затем пронеслись склады продовольствия. Своими низкими крышами, обложенными дерном, своим уединением, будками сторожей и проволокой, окружавшей их, они напоминали пороховые погреба на лугу между военным городком и стрельбищным полем.

У пожарной части, мелькнувшей открытыми своими воротами и широкими окнами выставочного павильона нового стиля, стояли безукоризненно красные пожарные машины.

Широко и свободно разбитые всюду, где только можно, зеленые насаждения крутились, поворачиваясь радиусами аллей, и в шашечном порядке переставляли вокруг автомобиля молоденькие свои деревца. Как видно, здесь всюду происходила упорная, плановая борьба с пылью и песком. Деревья пересаживали десятками тысяч, некоторые старые деревья привозили на грузовиках вместе с почвой.

Мы свернули на шоссе и полетели мимо строящихся и

уже выстроенных зданий, мимо штабелей кирпича, фундаментов, сваленных в кучи железных труб и батарей паро-водяного отопления.

Мы увидели очаровательный поселок красных аргентинских коттеджей с высокими, остроконечными крышами, с цветами в палисадниках, велосипедами у калиток, теннисом.

Тут жили иностранные инженеры. Они не хотели к нам ехать. Они боялись. Они требовали комфорта и уюта. Им предложили высказать свои пожелания и вкусы. Они остановились на уюте аргентинских коттеджей. Со сказочной быстротой в запорожской степи возник аргентинский поселок. Иностранцы развели руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.